

Качества, присущие личности Столыпина, были отмечены в его Некрологе: «Как человек П.А. Столыпин отличался прямодушием, искренностью и самоотверженной преданностью Государю и России. Он был чужд гордости и кичливости благодаря исключительно редким качествам своей уравновешенной натуры. Враг всяких неясностей, подозрений и гипотез, он чуждался интриганства и интриганов. Твердость, настойчивость, находчивость и высокий патриотизм были присущи его честной открытой натуре. Столыпин особенно не терпел лжи, воровства, взяточничества и корысти и преследовал их беспощадно...» [7].

То, что Столыпин – безусловный тип русского дворянского интеллигента, говорит и его забота о сохранении национального самосознания: «Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок. Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется. Есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам в противовес беспочвенному социализму. Это желание, это страстное желание обновить, просветить и возвеличить родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада» [13].

Выводы. Таким образом, подведя итог вышесказанному, мы видим, что личность и деятельность Петра Аркадьевича Столыпина – это тот высокий тип российского интеллигента, который являлся, является и, надеемся, будет являться достоянием нации и примером для подражания не только политикам, государственным деятелям, но и всем, кто свой повседневный труд воспринимает как служение людям и стране.

Источники и литература:

1. Битов А. Интеллигент больше отдает, чем берет // Очень УМ. – 2007. / А. Битов № 1 (47). – С. 88.
2. Гирс А. Смерть Столыпина : Из воспоминаний бывшего киевского губернатора. – Париж, 1927 (18 января) [Электронный ресурс] / А. Гирс Режим доступа : www.stolypin.ru
3. Каган М. С. История культуры Петербурга. / М. С. Каган СПб., 2006. – С. 99
4. Митрополит Антоний Сурожский (Блюм). Беседы о вере и Церкви. Любое издание. <http://www.mitras.ru/publ.htm>
5. Мейендорф И. Византийское богословие. / И. Мейендорф М., 2001. – С. 80-121
6. Оболенский А.И. Мои воспоминания и размышления [Электронный ресурс] / А. И. Оболенский Режим доступа : www.stolypin.ru
7. Петр Аркадьевич Столыпин : Некролог. – Новое время. – 1911. – 6 сентября. [Электронный ресурс] Режим доступа : www.stolypin.ru
8. Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. / С. Рансимен М., 1998. – С. 19.
9. Столыпин П. А. «Нам нужна великая Россия». Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911. М., «Молодая гвардия» 1991.
10. Фонд изучения наследия П. А. Столыпина [Электронный ресурс] Режим доступа : www.stolypin.ru
11. Формирование российского интеллигента в университете. – СПб. : СПбГУП, 2000-2010 (Новое в гуманитарных науках)
12. Человек. – 2008. – № 3. – С. 7
13. 16 ноября 1907 ; Гос. Дума ; речь П. А. Столыпина в ответ на выступление члена Государственной Думы В. Маклакова [Электронный ресурс] Режим доступа : www.stolypin.ru

Ставицкий А.В.

УДК 101.1:316

РЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

***Аннотация.** В данной статье рассматривается проблема нарастающей ремифологизации современного общества, вопрос проявления различных форм мифотворчества, его социальные, психологические и политические причины, а также характер, масштабы и возможные последствия ремифологизации для страны.*

***Ключевые слова:** современный миф, функции мифа, мифотворчество, мифологизация.*

***Анотація.** У даній статті розглядається проблема наростаючої реміфологізації сучасного суспільства, питання прояву різних форм міфотворчості, його соціальні, психологічні та політичні причини, а також характер, масштаби і можливі наслідки реміфологізації для країни.*

***Ключові слова:** сучасний міф, функції міфу, міфотворчість, міфологізація.*

***Summary.** This article discusses the problem of the return of myth in modern society. This task requires the analysis of different approaches to myth. After all, the modern myth needs the overall assessment of its role and place in the modern information interaction.*

This assessment clearly reveals that a "reasonable man" in modern terms was a "mythological man". But it is premature to explain this transformation and degradation of human society, because in reality, a person can be both reasonable and mythological at the same time, showing those qualities that are in each case mostly in demand.

On this basis, it can be argued that the return of the myth was actually not due to the fact that a modern man has degenerated and was very receptive to the influence of the myth, but that the myth and myth-making are human at all stages of its existence. Therefore, it is futile to deal with myth-making. But the quality of myth-making, the basic idea of accompanying it, requires a critical attitude to science.

Key words: modern myth, functions of myth, myth-making, mythologizing.

Актуальность темы. Согласно общепринятому мнению, современный мир захлестнула волна мифотворчества. И создалось впечатление, что из «царства рационализма и науки» он шагнул в новую «мифологическую» эпоху. При этом оставалось неясным, то ли это явление для нас новое, то ли оно происходило всегда, но для нашего восприятия как бы не существовало? Ведь были среди исследователей и те, кто утверждал, что мифы никуда не исчезали. Просто человек, руководствуясь приоритетом рациональности, сам убедил себя в том, что от них избавился, тем самым лишь способствуя новому мифотворчеству. А теперь за это расплачивается.

Постановка проблемы. Чтобы хоть как-то оправдаться перед общественностью, некоторые исследователи пытаются объяснить возникновение современной мифологии не собственными, навешанными мифом рациональности заблуждениями, а общей деградацией общества и низменными инстинктами невежественной толпы. Хотя в данном случае возможно и другое: либо борьба с мифом была явно недостаточной и велась не теми средствами, либо она сама по себе оказалась бесперспективной, поскольку тоже стала одной из основных форм мифотворчества [1]. И ответить на этот вопрос однозначно не получается, так как тайна мифотворчества скрыта не в мифе, а в человеке, который творит его [2].

В свою очередь такой подход вынуждал заново ставить уже казалось бы снятые вопросы. Создаётся ли современный миф «по воле человека» [3, с. 3] или возникает независимо от неё? Как вообще возникает миф и почему человек занимается мифотворчеством? Что это ему даёт, а чего лишает? Зачем человек занимается мифотворчеством? Почему? С какой целью? Чем определяется характер и направленность мифотворчества? Что влияет на нравственный выбор человека в пользу тех или иных мифов? Свидетельствует это о высоте его помыслов или о низменности инстинктов? Как человеку относиться к мифу: непримиримо бороться, или попытаться использовать мифотворчество себе во благо? Может ли человек преодолеть миф, опираясь на научные знания? А поскольку возвращение мифа было признано одним из самых заметных черт и явлений нового столетия, многих исследователей волнует вопрос происходящей ремифологизации: мы возвращаемся к мифу или миф возвращается к нам? И возможно, на самом деле никакого возвращения не было, как с открытиями Зигмунда Фрейда к человеку не вернулось подсознание, а просто человек открывает миф для себя заново? Может ли возвращаться то, что никуда не уходило?

Анализ исследований и публикаций. Проблема ремифологизации в последнее время стала предметом исследования многих ученых. М.Н. Игнатъева [3], Ю.М. Загвозкина [4] и А.В. Белокобыльский [5] посвятили изучению мифологии свои диссертации. Проблемами мифологии Роли мифов в истории посвятили свои исследования Р. Марле [6], А.Д. Шоркин [7] и другие.

Основная цель и задачи статьи: исследовать проблему нарастающей ремифологизации современного общества, а для этого предстоит рассмотреть вопрос проявления различных форм мифотворчества, его социальные, психологические и политические причины, а также характер, масштабы и возможные последствия ремифологизации для страны.

Изложение основного материала. Чтобы объяснить, на первый взгляд, довольно запутанную ситуацию с бурным возрождением мифа в современном обществе, которое под давлением науки давно отреклось от мифа и мифотворчества, предоставив это занятие людям отсталым, глупым и необразованным, учёные заговорили о кардинальном переломе в обществе и в сознании людей, сопровождающимся возвращением в т. н. «новую архаику».

Согласно данной версии, развитие массовой культуры и помноженные на философию постмодерна технологии манипуляции создают благоприятную среду для социального мифотворчества. И с этим нет смысла спорить. Но в итоге всё сводится к общей деградации. «Уровень сложности ситуации «двойного перелома» значительно превышает познавательные и адаптационные возможности индивидуума, сует по этому поводу Ю. М. Загвозкина. - Отсюда прорастает парадоксальная архаизация современного общества, в котором «человек разумный» преобразуется в «человека мифологического». Новая архаика сопровождается процессами хаотизации, плюрализации и маргинализации сознания, общей деструкцией постсоветской ментальности» [4, с. 3].

Иными словами, человек оказался жертвой обстоятельств, трансформируясь в новых условиях по принципу «солёного огурца», согласно которому, хочет или нет огурец быть солёным, но если попал в банку и залит рассолом, то уже никуда не денется.

Однако можно ли объяснить процесс ремифологизации и повышенного внимания науки к мифу, ограничив круг причин развитием массовой культуры, массовизацией общественного сознания и господством в культуре идеологии постмодерна и суеверий обыденного сознания? Правильно ли не учитывать при этом новый уровень развития современной науки и возросшие возможности её в познании мифа? Соотносится ли такой подход с открытиями современных мифологов от А. Ф. Лосева до К. Леви-Строса? В какой степени попытка объяснить связанные с ремифологизацией новые социокультурные явления общей тотальной деградацией обоснована? На наш взгляд это представляется крайне сомнительным.

При этом сторонники данной концепции не понимают, что универсальная пластичность мифа позволяет ему любую среду сделать благоприятной для мифотворчества, независимо от уровня её прогрессивности и образованности. Ведь миф из всего может извлечь то, что нужно для его функционирования. Из великого и малого, вечного и сиюминутного, собирания и распада, созидания и разрушения, из объектов культа и из их развенчания, из хаоса и иерархии, из любви и ненависти, равенства

и свободы, из стремления к нравственному или порочному, высокому или низкому, через критику и восхваление, сакрализацию или нигилизм.

Одним словом, миф возникает из всего и реализуется через всё, что может стать для человека или общества значимым, независимо от того, считают данное общество демократическим или тоталитарным, устанавливается ли в нём власть преимущественно насилием или манипуляцией, является ли это общество по своей структуре массовым или строго иерархичным. В любом случае миф сделает своё дело и породит в обществе те представления, которые люди хотят иметь и готовы принять как должное в соответствии с исторически сложившейся социальной средой.

Поэтому, не отрицая происходящих процессов в принципе, уточним, что своеобразное превращение «человека разумного» в «человека мифологического» связано не столько с архаизацией общества, которое как бы автоматически должно сопровождаться и архаизацией, а в обывательском представлении – «дебилизацией» сознания, или с расцветом т. н. «имагинационных» технологий, сколько с попытками компенсировать пробелы в представлениях общества, связанных с тем, что в нём за последние десятилетия произошло.

По этому поводу заметим, что подобный подход упрощает анализ исследователей до сферы привычного, делая его удобным для понимания. Но настоящего ответа он не даёт, так как то, что представлено в нём как ответ, на деле скорее тешит человеческое самолюбие и тщетно «латает» быстро расплывающуюся аргументацию былых времён, когда человек был уверен, что с мифом он справился окончательно. А потому ответ на вопрос: как и по какой причине «человек разумный» вдруг стал «человеком мифологическим»? - вытекает из вышесказанного: исключительно под воздействием социальных обстоятельств.

С одной стороны на него влияют социально-экономические перемены, связанные с тотальной архаизацией (а точнее – с развалом) экономики. С другой – информационные («имагинационные») технологии, нивелирующие личное сознание до уровня массового. И всё вроде бы ясно и понятно.

При этом подобная аналитика игнорирует тот «субъективный» факт, что человека нельзя практически незаметно для него подвести к такому внутреннему состоянию, для возникновения которого у него не сложилось причин. «Благородный» человек не может стать «подлым», если эта подлость не была заложена в нём ранее. «Простодушный» не станет «лжецом», если не умеет лгать, как бы среда на него ни влияла. Склонный к подлости не станет святым. Мудрый не будет лебезить, льстить и унижаться. Одним словом, с человеческим сознанием ничего не может произойти такого, к чему оно внутренне не готово. Следовательно, оно в состоянии нести в себе и «рациональное» и «мифологическое» начала, используя их в той степени, в какой это необходимо для человека и его осмысленного бытия.

Отсюда вытекает тот факт, что в отличие от экономики, которая действительно за период независимости постсоветских государств в значительной степени архаизировалась, потеряв свои былые достижения количественно и качественно, сознание людей не архаизировалось. Но лишь в условиях кардинального социального перелома переключило акцент с рационального («левополушарного») мышления на «мифологическое» («правополушарное») с его акцентом на надежду и чудеса.

Иначе говоря, в современном обществе мы не найдём исключительно людей «разумных» или «мифологических», так как каждый человек несёт в себе и то, и другое, независимо от ума и образования, уже в силу бинарного устройства человеческого мозга. И в разных ситуациях, в зависимости от личной или социальной потребности, человек будет прибегать к тем способам мышления, которые ему в данный момент лучше подходят, даже не задумываясь об этом.

Значит, мифология не вернулась, а оказалась доступной научному пониманию в новых условиях и при новых возможностях науки, открывшей для себя миф заново [5]. И теперь науке необходимо считаться с тем, что человек в равной степени существо рационально мыслящее и мифотворящее. Считаться, и этот феномен тщательно и системно изучать.

В связи с этим уместно вспомнить, что одной из популярных в своё время идей была мысль, что миф по мере развития человечества если не исчезает, то обязательно вырождается. Что можно считать своеобразной модификацией мифа о победе разума над мифом, согласно которому те мифы, что попадают нам в жизни на каждом шагу – и не мифы вовсе, а некие «псевдомифы», мифы-мутанты, симулякры, поскольку настоящие мифы остались в далёком прошлом.

«Мифы вырождаются, писал по этому поводу Р. Марле, - символы секуляризируются, но они никогда не исчезают, даже в такой рационалистический век, каким был девятнадцатый. Символы и мифы корнями уходят в глубокую древность: они составляют часть человеческого существования, и нет такой сферы человеческой жизни, где бы они не встречались» [6, с. 53].

Естественно, такое объяснение не унижало разум, и было удобным, позволяя на некой договорной основе считать современный миф не мифом, а чем-то выродившимся, фантомом, тенью, эхом мифа настоящего, для которого в современном мире места уже нет. Однако, соглашаясь с последними высказываниями Р. Марле о том, что «символы и мифы корнями уходят в глубокую древность» и «составляют часть человеческого существования», выразим несогласие с его мнением о том, что «мифы вырождаются», а «символы секуляризируются». Подобные высказывания сопоставимы с точкой зрения М. Мюллера о том, что миф есть «болезнь языка» или другим утверждением, что миф беднеет и вырождается.

Тем более, что в действительности трактовка мифа М. Мюллером как болезни языка, так раскритикованная его оппонентами, по содержанию своему является более глубокой и довольно близкой

расширительному толкованию мифа. А аналогия с «болезнью» в данном случае не более уместна, чем сравнение с болезнью проявлений любви. Но ведь человека влюблённого мы не считаем больным и тем более неполноценным. Скорее даже наоборот, поскольку эта «болезнь» позволяет ему жить более ярко, полноценно и насыщенно, воспринимать мир и людей иначе, более душевным и сочувственным.

Естественно, под бедностью мифа подразумевается некое его существенное упрощение, делающее миф понятным, статичным и непродуктивным. Но, наш взгляд, за этим скрывается непродуктивность не мифа, а рассматривающей его гипотезы. Ведь, дабы соответствовать отражаемой им реальности, миф трансформируется под неё в той степени, в какой необходимо, и плодит тем самым новые мифы, в том числе и о своём вырождении.

С другой стороны, констатация имеющей место секуляризации символов не отражает процесс во всей его полноте и сложности, где простота есть следствие ограниченных возможностей познания. И мы не сможем миф отразить во всей его полноте и сложности. Но в свою очередь констатируем, что секуляризация символа не отменяет его исходной сакральности, ибо такие явления, как миф и символ, в состоянии обслуживать разных людей и разные сообщества одновременно на профанном и сакральном уровнях, одинаково эффективно. Лишь бы была в этом социальная потребность.

Впрочем, существует и другая точка зрения, согласно которой миф под воздействием рефлексии исчезает [7, с. 30]. Однако в какой степени история принятия мифа обществом связана с его исчезновением, в данной позиции не очень понятно. Хотя, если учесть, что в нём речь идёт всё-таки не об исчезновении мифа в принципе, но лишь о т. н. его естественном состоянии, а под естественным состоянием понимается нечто общепринятое и привычное, то, видимо, речь здесь идёт о мифе первобытном, традиционном, архаичном, который для современного общества действительно не типичен и в чистом виде практически не встречается.

Но с другой стороны, считать современный миф неестественным, на наш взгляд, для современного мифолога противоестественно. Ведь современный миф потому и называют современным, что он соответствует не первобытным племенам, не архаичному обществу, для которых он, естественно, неестественен, а современному и для него является достаточно естественным, чтобы на обывательском уровне не распознаваться.

Вот почему, на наш взгляд, речь в данном случае идёт не об уничтожении, а о трансформации мифа, которая на сам миф принципиально никак не влияет. В первую очередь потому, что для логики миф настолько же неуловим, насколько какая-либо идея, формула, понятие или схема в состоянии передать всю полноту отражаемой ею жизни. А ведь относительно всевозможных научных и других логических построений миф и есть та жизнь, которую логика не может в силу своей слабости и ограниченности ни полностью уничтожить, ни во всей полноте понять и принять.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Каков же общий итог? Не отрицая общепринятых выводов в изучающих миф исследованиях, которые тяготеют к объяснениям социально-политической ремифологизации архаизацией сознания и общей деградацией увлечённого идеями постмодерна общества, помноженных на тотальную манипуляцию массового сознания со стороны власти, подчеркнём, что в данном подходе не учтены те открытия в самых разных отраслях науки, что позволяют взглянуть на миф по-новому, рассматривая его как базовое универсальное явление культуры, вытекающее из бинарного устройства мозга, мышления, восприятия.

Эта бинарность позволяет человеку воспринимать мир не только рационально, но и чувственно, проецируя на него свои мечты, страхи, желания, и тем самым удовлетворяя потребность человека и общества в тех несущих символически окрашенный смысл образах, без которых они не смогут полноценно существовать.

Источники и литература:

1. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Поль Рикёр / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. – М. : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. – 624 с. (Серия «Канон философии»).
2. Смыслы мифа : мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М. И. Шахновича. Серия «Мыслители». Выпуск №8 – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – 300 с.
3. Игнатъева М. Н. Социально-философский анализ гендерного мифотворчества / М. Н. Игнатъева. – Дис. ... канд. филос. наук. – Кемерово – 205 с.
4. Загвозкина Ю. М. Политический миф как проблема социальной философии : Дис... канд. филос. наук. / Ю. М. Загвозкина Иваново, 2005. – 209 с.
5. Білокобильський О. В. Місце і значення міфу як елемента онтології науки : Дис... канд. філос. наук. / О. В. Білокобильський – К., 2003. – 209 с.
6. Марле Р. Миф и историко-критический метод / Р. Марле // Символ, – №15, 1986. – С. 53-61.
7. Шоркин А. Д. Схемы универсумов в истории культуры. Опыт структурной культурологии. / А. Д. Шоркин. Симферополь. 1996. – 216 с.